

УДК 821.161.1.09 "17/1991" (470.5) + 821.161.1 (1-87)

ПЕРМСКИЙ СЛЕД АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭМИГРАЦИИ: СЛУЧАЙ Н.А.БИРСКОЙ

Анна Альбертовна Арустамова

д. филол. н., доцент кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. aarustamova@gmail.com

В статье рассматривается пермский этап жизни и творчества поэта русской эмиграции Н.А.Бирской-Окунцовой в контексте историко-культурной ситуации в провинции революционного времени; выявляется специфика создания образа Перми в стихотворениях, написанных в США. Акцентируется внимание на публицистических текстах Бирской. Исследуется ряд ключевых образов и мотивов поэзии Н.А.Бирской, анализируются особенности заголовочно-финальных комплексов. Особый интерес представляют пути создания образа Родины в американский период творчества поэта.

Ключевые слова: поэзия Н.А.Бирской-Окунцовой; Пермь; русская литературная эмиграция в США; образная система; мотив; заголовочно-финальный комплекс; стереотип.

Изучение истории русского литературного зарубежья, столь активно развивающееся в постсоветское время, охватывает преимущественно творчество писателей, оказавшихся в европейской эмиграции, тогда как история литературной деятельности русской диаспоры и процесс становления русской литературы в США в первой трети XX в. остаются до сих пор за пределами широкого исследовательского интереса. Начальный этап русского историко-литературного процесса в США, а также судьба русской творческой диаспоры в США до Второй мировой войны являются все еще белым пятном. Между тем невозможно в полной мере понять историю развития русской литературы в изгнании без ее американской ветви, может быть, не столь яркой, как парижская или берлинская, но безусловно значимой для русской культуры.

Немаловажным представляется и другой аспект исследования литературы эмиграции – региональный. В данном случае имеется в виду роль русской провинции в истории творческой жизни русской эмиграции. Пермь (и – шире – Прикамье) является в русской культуре XIX-XX вв. «транзитным», связующим Восток и Запад локусом. Поэтому в ряде случаев судьбы тех, кто пережил исход из России, оказываются так или иначе связанными с Пермью.

В данной статье освещается роль «пермского периода» в судьбе и творчестве одного из авторов русского американского зарубежья Надежды Августиновны (Августовны) Бирской-

Окунцовой, эмигрировавшей в 1924 г. в США, супруги И.К.Окунцова, первого редактора известной, отметившей в 2010 г. столетний юбилей, эмигрантской газеты «Новое русское слово»¹.

В 1934 г. в Париже вышел сборник стихов Бирской «Искры», вобравший в себя произведения как доэмигрантского периода, так и написанные на чужбине. Эту книгу можно назвать лирическим дневником «свидетеля истории», очевидца эпохи. Она интересна как своеобразная художественная летопись судьбы ее автора и переломных событий первой трети XX в., поэтическая иллюстрация к трагическому опыту исхода из России за океан.

Некоторые тексты сборника, датированные 1917-1919 гг., написаны в Пермской губернии, часть из них посвящена Пермскому университету и его преподавателям. В сборник включены и более позднее стихотворения, написанные в США, но связанные с Прикамьем. Попытаемся понять, какое место занимал пермский период в судьбе и творчестве Н.А.Бирской, как создавался образ Перми, как он связан с образной системой и структурой произведений, написанных в США.

Н.А.Бирская происходила из семьи офицера А.Бирского², родилась 26 ноября 1890 г. в г. Ломжа (на северо-востоке Польши), где квартировали русские войска. В 1908 г. она окончила гимназию, мечтала об университете, о более активной и энергичной жизни. Однако родные не отпускали ее в Петербург, и ей несколько лет

пришлось учиться в Варшавской консерватории. Только в конце 1913 г. Бирская отправилась в Петербург, где поступила в университет на физико-математический факультет. Начало Первой мировой войны сломало течение ее студенческой жизни, как и многих других молодых людей того времени. Став сестрой милосердия в Надеждинской общине Красного Креста, она не могла в полной мере уделять внимание занятиям в университете.

В Петербурге во время Первой мировой войны она служила сестрой милосердия, принимая таким образом участие в социальной жизни.

Потенциал своей личности в столице Бирская реализовывала разносторонне: начала печататься в петербургских изданиях (в частности, журнале «Жизнь для всех»), принимала участие в знаковых и ярких событиях того времени. Сохранилось письмо Бирской авиаконструктору И.И.Сикорскому, в котором упоминается ее полет на аэроплане «Илья Муромец»³. Думается, этот эпизод ярко раскрывает такие стороны ее характера, как готовность к поступку, к действию, решительность, бесстрашие, стремление к ярким впечатлениям, поскольку полеты на самолете в 1914 г. были далеки еще от массовых. Способность занимать активную позицию, сопротивляться обстоятельствам позволило Бирской выжить в постреволюционное время, а затем достичь берегов Атлантики.

Февральская революция заставила ее оставить Петербург. В апреле 1917 г. вместе с другими студентами петербургских вузов Бирская отправилась на восток, остановившись сначала на очень непродолжительное время в Вятке, а затем в Перми. Именно здесь ее настигли трагические события 1917-1918 гг., предопределившие исход за океан и нашедшие отражение в литературном творчестве. Пермский период жизни Надежды Бирской завершился драматично – вместе с преподавателями и студентами Пермского университета она выехала из Перми в Томск вслед за войсками Колчака, а позднее – через Семипалатинск, Москву, Барановичи, Польшу – ей удалось выбраться из страны, охваченной гражданской войной, и добраться в 1924 г. до Нью-Йорка.

В Перми Бирская стала студенткой медицинского, а затем историко-филологического факультета университета. Пермский период биографии Бирской ознаменован изменениями в личной жизни: она сменила фамилию, став женой В.И.Яркова, студента юридического факультета Пермского университета⁴. В 1919г. Ярковы эвакуировались вместе с отступающими колчаковскими войсками из Перми в Томск, поскольку

в Сибирь эвакуировался и Пермский университет. Однако далее пути супругов драматически разошлись. Бирская последовала за Колчаком на восток, а Ярков вернулся в Пермь, уже занятую красными войсками. Сохранилось его заявление от 20 марта 1920 г. с просьбой о принятии в Пермский университет: «Ввиду упразднения юридического факультета прошу зачислить меня в студенты медицинского факультета. При этом довожу до сведения, что я был эвакуирован в Сибирь и возвратился в Пермь в марте с.г.» (Ярков: Л.1). Трагические события того времени разрушали судьбы и семьи, и, возможно, не случайно в ее воспоминаниях о пермском периоде жизни не встречается даже упоминания имени первого мужа, В.И.Яркова.

Пермский период в судьбе Бирской отмечен активной общественной деятельностью. Как сообщает сама Бирская в неопубликованных воспоминаниях «Моя тропа», в Перми она училась в университете, одновременно служила в земской управе, занималась литературой, сотрудничала в издаваемой эсерами газете «Народная воля»⁵. Бирская поступила на службу в Земскую управу инструктором по кооперации, читала лекции и организовывала общества потребительской кооперации. «Мне удалось вместе с беженцами и с воинскими частями и семьями офицеров из Петербурга в теплушке, в предлинном эшелоне перебраться в город Вятку, где я сотрудничала в газете «Вятская речь», отсюда пришлось бежать в город Пермь, в теплушке одного из вагонов товарного поезда, вместе со всеми беженцами из России... В городе Перми я поступила на службу в Губернскую Земскую управу в качестве губернского разъездного инструктора по потребительской кооперации» [Бирская-Окунцова 1970].

Чуть позже, в 1918 г., Бирская активно участвовала и в социально-политической деятельности: в качестве члена земской губернской управы «вела народ к ознакомлению с выборными законами, при голосовании за делегатов во Всесибирское Учредительное Собрание» объезжала уезды Пермской губернии. Активное участие она принимала и в работе Первого женского губернского съезда в 1917 г., на котором были зачитаны приветствия Брешко-Брешковской, Фигнер и были направлены адреса деятельницам русской революции. На этом съезде Бирская была избрана вице-председателем: вела съезд, активно работала с его делегатками⁶.

Общественная, социально-политическая деятельность, студенческий опыт нашли отражение в написанных ею поэтических текстах. Мы не обсуждаем их художественную ценность, они во многом вторичны, в них используются получив-

шие массовое распространение образы русской поэтической классики; автор цитирует вошедшие в широкий культурный обиход тексты Тютчева, Лермонтова, Пушкина и др. Лирическое Я в стихотворениях Бирской максимально приближено к Я биографическому. Стихотворения написаны в русле русской элегической традиции XIX в. («Элегия»), пейзажной лирики («Весна»), социальной лирики второй половины XIX в. («Как можно обойти просящего калеку»). В стихах Бирской легко узнаваемы образы и мотивы русской поэзии XIX в. (ср. в «тютчевском» стихотворении «Душе моей» – «За что страдаем мы вдвоем? Ты – пленница безвольного ума, Вечно на поединке роковом Веленьем совести раздвоен...») [Бирская-Окунцова 1934: 49] или «пушкинское» название стихотворения, написанного уже в изгнании в Америке, – «Телега жизни»).

С одной стороны, стихотворения Бирской характеризуются наивным отражением увиденного (см. обсуждение проблем «наивной литературы» М.Л.Лурье, а также других авторов в статьях сборника *«Наивная литература»: исследования и тексты* (М., 2001) [Лурье 2001]). С другой стороны, автору свойственно обостренное переживание диссонанса красоты уральской земли и творимой на ее глазах истории – конфликта, который станет центральным и для творчества «свидетелей истории» (образ, введенный в русскую литературу М.Осоргиным, в эмиграции неоднократно обращавшимся памятью к прикамской земле): «В мире Природы жизнь – отрада, Простор безбрежный, тишина... В мире людей – хаос печальный. Гоненье, ненависть, вражда...» [там же: 41].

В текстах уральских стихотворений Бирской звучат мотивы живительной и обновляющей силы природы («Творцу», «Элегия»). Это изображение русского пейзажа: «Я так люблю здесь находиться Под сению густых ветвей Орешника... Хочу молиться Среди красот лесов, полей...» («Творцу»). Вместе с тем актуализируются социальные мотивы, интонация негодования, связанные с ощущением надвигающегося перелома. В одном из стихотворений («Что – жизнь?»), навеянном поездкой на Нижнетагильский завод, автор заостряет социальные противоречия, рисуя картины тяжелого труда, бедности («И холодно, и сыро в доме, И дети в рубищах, – одни... Чем виноваты эти люди, Что богачи им «не сродни»?!») [там же : 39].

Подчеркнем, что в стихах доэмигрантского периода важнейшее место занимают «географические» образы, поскольку 1917–1923 гг. – это годы скитаний, попыток спастись в революционном вихре. Петербург, Вятка, Пермь, ст. Тайга,

Красноярск, Томск, Семипалатинск, Москва, Ломжа — только некоторые точки на пути движения за океан. Автор стремится передать специфику географического пространства, особенности сибирского или киргизского пейзажей, иногда в редуцированном виде. Бирская создает образы пространства, по которому проходил ее путь из России в США, однако во многом это стереотипные, ожидаемые и легко узнаваемые образы. В ее сибирских текстах появятся «великий Енисей, Могучий, гордый и зеленый», «плоты», «мужики-сибиряки», образ удалой вольницы («гармошка, свист и громкий хохот» – «Енисей»). Приметы Семипалатинска – «светлый Иртыш», «карагат кудрявый», «пески сыпучие», безбрежный простор («Духовнику моему Ф.М.Достоевскому»), «лазурное дивное небо» («Феликсу Францевичу Иордан-Лобержинскому»). Читатель Бирской следует тем же путем изгнания, что и автор, – от Урала до Америки.

Вместе с тем для стихотворений, написанных в Перми, значимы заостренно социальные мотивы, что, очевидно, связано с активной общественной деятельностью Бирской. Они продолжают звучать и в публицистических текстах публицистических жанров – приветственное слово, очерк, – организуя сюжетное напряжение в них: стремление к обновлению жизни сталкивается с острыми социальными противоречиями пред- и постреволюционного времени.

Так, в приветственном слове к Женскому съезду его автор призывает: «Великий момент настал для нас – мы получили равноправие, так сговоримся же здесь, чтобы это равноправие не осталось на бумаге... Дружными усилиями, терпением и трудом добьемся новой жизни» [Стенограмма 1917: 3]. Те же мотивы звучат в очерке «Путевые заметки по Верхотурскому уезду». Изображение крестьянской жизни выполнено в традициях русского реалистического очерка XIX в.: «Далее еду по селам и поселкам переселенцев из витебской, минской и других губерний. Повсюду беднота, беспросветная темь и убожество. Дети лет 6-8 почти голые, в еле-эле прикрывающих тело рваных рубищах, в худых лаптях, с посиневшими, замерзшими рученьками. Съжившись, сидят у ворот или толкают друг друга в кучи снега» [Яркова 1917: 2]. «Путевые заметки» Бирской, увидевшие свет в газете социал-революционеров, пронизаны острой социально-политической полемикой с большевиками. С одной стороны, и в стихотворениях, и в публицистике автор негодует, поднимая тему нищеты и тягот трудовой жизни русского народа, жаждет изменений, с другой – резко отрицает «большевистскую» пропаганду⁷.

Однако социальному диссонансу противопоставит радость познания и духовной, интеллектуальной деятельности, пробуждающей и освещающей душу лирической героини. Наиболее ярко это выражено в стихотворениях, посвященных Пермскому университету. Заметим, что в пермских стихотворениях Бирской читатель не найдет примет самого города, указаний на его ключевые локусы. Для автора Пермь – это прежде всего духовное и социальное пространство. И организовано духовное пространство прежде всего университетом.

Так, одно из стихотворений обращено к профессору Ю.Верховскому, работавшему в Пермском университете. Оно имеет заголовок «Вдохновенье (Посвящая Историку Русской Литературы, моему учителю, Профессору В.Верховскому⁸)» и завершается указанием на место, время и обстоятельства написания: «1918-1919 учебный год. Пермь. Историко-филологический факультет» [Бирская-Окунцова 1934: 45]. Уже в заглавии упомянуто «учительное» слово поэта. Профессор-поэт предстает в ипостаси учителя жизни. По мере движения лирического сюжета Поэт обретает черты пророка, характерные для романтической лирики: «Твой звучный голос властно Вливает в души свет...» [там же]. Возникает аллюзия на пушкинского «Пророка». Таким образом, финал стихотворения перекликается с заголовком, возникает единое смысловое поле.

В стихотворениях Бирской вообще существенное значение имеют заголовочно-финальные комплексы. Зачастую они превращаются в развернутые ремарки, обрамляющие поэтические строфы. Тем самым происходит проникновение эпического начала в лирический текст, расширение его пространства, дополнительное «психологическое» насыщение поэтического текста. Так, в стихотворении «К отчизне (9-11 декабря 1921 года)» подзаголовок включает дату пересечения русской границы, а финальные строки указывают на место написания и, являясь повествовательными, характеризуют душевное состояние героини, переключают текст в иной регистр: «На польской границе. Между станциями «Погорелое-Столбцы. В беженских бараках, в слезах...» [там же: 59]. В пространстве одного текста конструируется обобщенный образ России («Россия незабвенная, Страна многоликая, – Родина самоцветная, Богобоязная, великая... Волей непреклонная, Духом самобытная, – Миссией — распятая, Мать всеединая...») и передается исповедальное переживание, выраженное в финальных строках, что создает интонацию плача по навсегда покидаемой России.

В целом ряде стихотворений заглавие является одновременно и посвящением. Оно выполняет функцию экспозиции, представления адресата текста и функцию просвещения читателей с разным культурным опытом (например, «Феликсу Францевичу Иордан-Лобержинскому (польскому беллетристу, художнику и редактору журнала “Искусство и жизнь”»)» [там же: 67] или «В.А.Поссе (Редактору журнала “Жизнь для всех” в С-Петербурге)» [там же: 70]). Показательно, что посвящения адресатам – русским эмигрантам, как например, музыканту М.Д.Агренево-Славянской⁹, писателю Г.Д.Гребенщикову, не содержат уточнений, вынесенных в заголовочный комплекс. Таким образом, в большинстве своем детализация касается событий русской, доэмигрантской, жизни и персон, связанных с доэмигрантским периодом жизни автора. Эти посвящения рассчитаны уже на русского читателя в эмиграции и представляют собой попытку препятствовать размыванию культурной памяти, связанной с утратой родины.

В стихотворениях Бирской заглавие может также задавать угол зрения, необходимый для правильного понимания текста, «уточнять» авторскую позицию, указывать на характер «отношений» между автором и адресатом («Духовнику моему Ф.М.Достоевскому (к 100й годовщине со дня его рождения)» [там же: 57], «Светлой памяти А.С.Пушкина (к 130-ой годовщине со дня его рождения)» и др.).

В наступившей сумятице российской жизни Пермский университет оставался в биографии и стихах Бирской светлым началом, с одной стороны, связывающим с прежней, уходящей навсегда жизнью, а с другой – позволяющим противостоять «судьбы бездушным приговорам» [там же: 48]. В 1919 г. университет эвакуируется вместе с войсками Колчака в Томск. Даже в очень тяжелых условиях эвакуации в Томске, как пишет в воспоминаниях Бирская, студенты находили возможность надеяться: «Настало лето. В городе Томске, на реки Томи, студенты Императорского университета... как-то обжились... завели знакомства со студентами Политехнического института... Молодежь во всяких условиях и обстоятельствах умеет приспособливаться и находить пути радостной жизни» [Бирская-Окунцова 1970].

Мотив надежды является ключевым в стихотворении, посвященном этому периоду студенческой жизни: «Семья жрецов в худой одежде Науке гимн с тоской поет, Озарена одно надеждой, Что на Руси заря взойдет...» («Студенческое общежитие» [Бирская-Окунцова 1934: 47]). Позже, в конце 1920-х гг., будучи в США, Бирская

напишет еще одно стихотворение, в котором вернется к университетским дням своей жизни: ретроспективно зазвучат те же мотивы молодости, надежды на светлую судьбу, несмотря на вихрь революции и гражданской войны. Упомянет в нем автор А.П.Сырцова, Л.А.Булаховского, Ю.Н.Верховского и других уехавших в Томск преподавателей Пермского университета, пытавшихся наладить там студенческую жизнь и образовательный процесс.

Встреча с преподавателями студентов из Перми и явилась сюжетной ситуацией в тексте Бирской «Alma Mater». Однако в тексте отчетливо звучит центральная для стихов американского периода оппозиция: *тогда и сейчас*. «С тех пор так много лет прошло, Ведь целых десять лет... Кто знает? Может быть, давно В живых уж многих нет?..» [там же: 82]. Пермские события оказываются своего рода катализатором размышлений о прошлом и настоящем, толчком, запускающим механизмы памяти поэта.

Воспоминания о Перми нашли отражение и в написанном уже в США стихотворении, посвященном Первому женскому съезду. Это стихотворение имеет посвящение «На 10летие Первого Губернского Крестьянского Женского съезда в России, в гор. Перми, в Женском Епархиальном Училище 23-25 октября 1927 г.». Однако озаглавлено оно «Америка». Чем обусловлено столь сильное смысловое различие текста и посвящения? Стихотворение состоит из пяти строф и построено как ряд определений концепта «Америка»: «Америка! Страна технических чудес, Мир конкурсных идей и фокусных стремлений, Строительница мертвых башен до небес. Страна, где нищенствует неизвестный гений» [Бирская-Окунцова 1934: 76]. Далее следует ряд определений, которые повторяют ключевые мотивы произведений, в которых звучит тема эмиграции. США – это страна эмигрантов, новый Вавилон, в котором нет места культуре. Как и во многих текстах XIX–XX вв., в которых создан образ Нью-Йорка, Бирская вводит два образа-символа: Остров Слез и статуя Свободы.

Для понимания смыслового напряжения между посвящением и текстом следует иметь в виду кольцевой характер композиции. Во второй строфе возникает мотив глухоты американцев к культуре («Культуре», как пишет Бирская), именно об этом же и последняя строка: «Страна – свидетельница бедствий миров потонувших, Где всем живет народ, но не читает книг!..» [там же]. Посвящение же, помещенное после основного текста, имплицитно противопоставляет Америке Россию, ориентированную на духовное, а не материальное. Подобно многим другим

эмигрантам, Бирская критически относится к земле изгнания, которая отнюдь не стала землей обетованной, резко противопоставляет утраченную родину новому миру, в котором оказалась (о специфике выражения эмигрантского опыта в литературе XIX – начала XX в. см., например: [Арустамова 2008; Лыткина: 2008]).

Отзвуки воспоминаний о пермском периоде обнаруживаются и в «юбилейном» стихотворении «Екатерине Константиновне Брешко-Брешковской (Бабушке Русской Революции). К 85-летию со дня ее рождения», написанном в Чикаго в 1929 г.: «Когда в России дело было, Съезд Первый Женский собрался, Ты этот съезд благословила, Он именем моим велся. Я шлю горячее спасибо От дочерей твоих, внучат И припадаю торопливо к руке твоей — Сестра и Мать» [там же: 83]. Здесь вновь звучит характерный для стихотворений Бирской мотив слиянности индивидуальной судьбы и судьбы родины. Именно он будет определять ее эмигрантское творчество в 1920 – начале 1930-х гг.: «Нет, я не в силах воспеть Поверхности земной пышный наряд! Ни облака, ни звезды, ни покой, – Пока в мученьях корчится мой край родной!..» («На чужбине» – [там же: 63]). Как заметил М.Раев, русские эмигранты постреволюционного времени считали себя изгнанниками, «надеясь, что их пребывание вне России временно, что вскоре, после падения советского правительства... они смогут вернуться назад...» [Раев 1994: 14].

В случае Бирской образы, навеянные Прикамьем, становятся слагаемыми образа утраченной родины, средством реконструкции прошлого и одновременно точкой отсчета для характеристики настоящего и самоидентификации в чужом мире, который обживался болезненно и мучительно.

Примечания

¹ На данном этапе исследования не удалось обнаружить отзывов литературной критики на творчество Н.А.Бирской, хотя известно, что в редакцию «Современных записок» (1935, №59) поступил для отзыва сборник «Искры». Упоминание ее имени встречается в книге И.К.Окунцова «Русская эмиграция в Северной и Южной Америке»: «В русской печати были помещены многочисленные стихотворения, рассказы, целые поэмы драмы русских эмигрантов... Наибольшим влиянием в колонии пользовались следующие русско-американские поэты: Временко..Корносевиц, Стоцкий, Сарматов... Бирская... Большинство русско-американских поэтов были проникнуты гуманизмом и свободолобием. Они прославляют борьбу труда и мысли за луч-

шую жизнь... Они – маленькие русские огоньки, влекущие читателей от тьмы к свету» [Окунцов 1967: 347].

² В статье используются материалы архива Н.А.Бирской, хранящегося в Музее русской культуры в г. Сан-Франциско, а также материалы Государственного архива Пермского края (ГАПО, г. Пермь). Автор выражает благодарность сотрудникам Музея русской культуры в г. Сан-Франциско за помощь и предоставленную возможность работать с материалами архива Н.А.Бирской. Автор признателен сотрудникам ГАПО за предоставленные материалы и консультации.

³ В письме к авиаконструктору И.И.Сикорскому от 30 октября 1968 г. Н.А.Бирская вспоминает: «Дорогой Игорь Иванович! У меня слов нет для выражения Вам благодарности за ваш чуткий отзыв на мою робкую просьбу, выраженную мною в предыдущем письме о высылке мне фотографии Вашей и Вашего ПЕРВОГО В МИРЕ АЭРОПЛАНА «Илья Муромец», на котором я, будучи юной девушкой-студенткой, имела счастье взлететь в Царском Селе... Как золотой СОН... миновало счастливое детство... Все с той поры кануло в вечность, В ЛЕТУ истории.. Но ДУША РОДИНЫ и ЕЕ Культуры бессмертны, и во мне трепещет к НЕЙ неугасимый огонек, как пред алтарем КОСМОСА» [Бирская-Окунцова 1968].

⁴ В.И.Ярков родился в 1888 г. в г. Камышлов (Екатеринбургской епархии) в семье запасного старшего писаря И.Г.Яркова. В 1918 г. В.И.Ярков находился в Перми, поступив слушателем на юридический факультет Пермского университета. В заявлении от 1 октября 1918 г. он указывал: «Имею честь просить Вас, г-н Ректор, зачислить меня слушателем на юридический ф-т Пермского государственного университета. При этом уведомляю, что подача прошения запоздала ввиду моего отсутствия в Перми. А поступление необходимо, ибо всякое промедление в моем 30летнем возрасте смерти подобно» (ГАПО. Ф.180, Оп.7. Д.530. Л.3).

⁵ В воспоминаниях ошибочно указаны «Пермские ведомости», однако в «Пермских губернских ведомостях» за 1917–1918 гг. текстов, написанных Н.А.Бирской, обнаружить не удалось.

⁶ В воспоминаниях Н.А.Бирской сохранилось описание фотографии участников Женского съезда: «...Просили сняться всем, чтобы каждая имела на память о съезде фотографию этого исторического Первого пермского губернского крестьянского женского съезда... Просьба делегатов была исполнена. В тот же день был приглашен фотограф, все женщины расселись на

приготовленной длинной деревянной скамье. Но некоторые были вынуждены сесть наземь, по требованию фотографа, а остальные стояли позади членов Президиума, сидящего в центре общей группы. Я сидела на скамье в центре, а с правой стороны сидел Сергей Иванович Бондарев... Была заказана крупная подпись под общей группой: Делегатки от 13-ти уездов Первого Пермского губернского крестьянского женского съезда» [Бирская 1970].

⁷ В воспоминаниях Н.А.Бирская пишет также о своих посещениях находящегося под арестом великого князя Михаила: «В апреле 1918 года великий князь Михаил Александрович Романов, брат государя, был заключен в Королевскую гостиницу в городе Перми без права появляться на улице... Он был под строжайшим надзором и под караулом как «подозрительный и неблагонадежный». Я приносила ему книги из пермской городской публичной библиотеки от кружка студентов Пермского университета...» [Бирская 1970].

⁸ Здесь вкралась неточность: инициалы Верховского – Ю.Н.

⁹ М.Д.Агреева-Славянская, дочь Д.А.Агреева-Славянского, известного русского певца, хорового дирижера, собирателя русских песен, создателя «Славянской капеллы». М.Д.Агреева-Славянская продолжала его дело, а после революции покинула Россию. В начале 1930-х гг. переехала в США, где осуществляла концертную деятельность.

Список литературы

Арустамова А.А. Русско-американский диалог XIX в.: историко-литературный аспект / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. 590 с.

Бирская-Окунцова Н.А. Искры. Париж, 1934. 105 с.

Бирская-Окунцова Н.А. На волнах истории. 1890-1970 // Архив Н.А.Бирской-Окунцовой. Музей русской культуры (Сан-Франциско).

Бирская-Окунцова Н.А. Письмо И.И.Сикорскому от 30 октября 1968 г. // ОР РНБ. Ф.1395. Сикорский Игорь Иванович. Ед. хр. 4. Л.1.

Лурье М.Л. О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С.Ю.Неклюдов. М., 2001. С.15–27.

Лыткина О.И. «Американский текст» в русской языковой картине мира // Учен. зап. РГСУ. 2008. №4. С.244–249.

Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. 486 с.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919-1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.

Стенограмма Пермского губернского женского крестьянского съезда // Народная воля. 1917. 24 окт. (№ 43). С.3.

Яркова Н. Путевые заметки по Верхотурскому уезду // Народная воля. 1917. 18 нояб. №63. С.2.

Ярков В.И. Личное дело // ГАПО. Ф.180. Оп.7. Д.530. Л.3.

**PERM IN RUSSIAN-AMERICAN ÉMIGRÉ POETRY:
N.A. BIRSKAYA-OKUNTSOVA'S CASE**

Anna A. Arustamova
Reader of Russian Literature Department
Perm State University

The article studies the Perm period in the life and poetry of the Russian-American emigre poet N.A. Birskaia-Okuntsova in historical and cultural context of provincial life at the time of the Revolution and investigates the specificity of the “American” image of Perm. Special attention is given to N.A. Birskaia-Okuntsova’s journalistic texts. In the article key images, motifs and title-final complexes of N.A. Birskaia-Okuntsova’s poetry are analysed, paying special attention to the creation of the image of Motherland in her “American” poetry.

Key words: Birskaia-Okuntsova’s poetry; Perm; Russian-American émigré literature; image; motif; title-final complex; stereotype.